

Е. А. Извольская

АМЕРИКАНСКИЕ СВЯТЫЕ И ПОДВИЖНИКИ

Русский Центр
Фордамского Унив-та
Нью Йорк 58

Russian Center
Fordham University
New York 58

1959

мученики Папой Пием XI. Казалось бы, на этом должна закончиться повесть северо-американских святых XVII века. Но нам остается рассказать еще об одном житии, хотя и не связанном с мученичеством, но тем не менее изумительном.

Речь идет о молодой индианке Текаквитэ-Катери, принявшей христианство у „черноризцев“ — духовных преемников восьми святых-мучеников.

Текаквитэ родилась в Оссерненоне, где был убит Исаак Жог; она увидела свет через десять лет после его смерти (в 1656-м году). Мать ее была из племени альгонквинов, отец — ирокезским вождем. Она провела свое детство в „длинной хижине“, т. е. в типично индейской, оседлой, но примитивной, обстановке. Казалось, ничто не отличало ребенка от других детей ее возраста и ее племени. Но существовала одна разница, которую сознание девочки смутно всё же глубоко воспринимало. Мать Текаквитэ была христианкой. Крестилась она задолго до замужества, когда росла в альгонквинской семье, которую навещали миссионеры. Это было далеко, в канадской области; выехав оттуда и выйдя замуж за язычника, молодая женщина не имела возможности общаться с „черноризцами“. Однако, она сохранила живую память о своем христианском воспитании, хотя словами не могла его определить. Она говорила о „молитве“, как о чем-то дорогое и незабвенное. Она помнила о Том, Кого называли Христом и Кого она полюбила с детства. Когда родилась ее дочь, она хотела ее крестить, но не знала к кому обратиться; она могла лишь молиться за Текаквитэ, а когда девочка подросла, научила и ее молитве, и сплела для нее крест из березовых ветвей. Текаквитэ очень любила мать и охотно слушала ее поучения. В Оссерненоне в то время проживала и другая крещеная индианка, которую звали Анастасией. Существует предположение, что и мать Текаквитэ и Анастасия присутствовали при казни отца Исаака и чтили его память. Таким образом, хотя Оссерненон и лишился в дальнейшем своей миссии, обе женщины сохранили и сумели зажечь в душе ребенка живое пламя веры. Но вот в Оссерненоне разрази-

лась эпидемия оспы. Мать Текаквитэ умерла, а дочь ее долго и тяжело болела. Спаслась она только чудом, но на всю жизнь осталась хилой и полуслепой.

После смерти матери судьба маленькой Текаквитэ резко переменилась. Будучи круглой сиротой (отца она потеряла в раннем возрасте), девочка, по индейскому обычаю, была взята в дом своего ближайшего родственника. Это был ее дядя, могущественный вождь и „храбрец“, по прозванию „Великий Волк“. Население Оссерненона было настолько рассеяно оспой, что приемный отец Текаквитэ перебрался со своей семьей в соседний поселок Гандавегэ, где они прожили около девяти лет. На новом месте, как и в родном Оссерненоне, Текаквитэ воспитывалась по примеру всех индейских девушек. Ее учили икусствам будущей домохозяйки: шить, молоть и варить маис для „сегамитэ“, наводить порядок в „длинной хижине“ и соблюдать патриархальный уклад жизни ирокезов. Как все индейские девушки, она должна была как можно скорее выйти замуж, с тем, чтобы новый „храбрец“, охотник и следопыт присоединился к семье Великого Волка.

Текаквитэ, покорно исполнявшая волю своего приемного отца, была бы завидной невестой, если бы не ее затаенное решение—не выходить замуж. Это желание оставаться девственницей было у нее связано с высшим стремлением: отдать себя Богу, о Котором рассказывала ей мать в раннем детстве. Ему одному, этому Богу христиан, она хотела посвятить свою жизнь, несмотря на то, что так мало о Нем знала. И кому бы могла Текаквитэ поведать свою мечту, у кого просить совета? Ни у Великого Волка, ни у других ее соплеменников, которые убили отца Исаака. Правда, в Гандавегэ стали приезжать черноризцы из соседних миссий, но робкая девушка не смела к ним обратиться. Она знала, что некоторые жители поселка крестились; всё еще не решаясь следовать их примеру, она старалась всеми силами своего пытливого ума воспринять от них христианское учение. Пути Господни неисповедимы! Если Текаквитэ не считала себя

достойной принять Христа, то Он Сам пришел к ней, как некогда, после Своего воскресения, пришел к ученикам Своим через запертые двери.

Однажды, когда Текаквитэ минуло девятнадцать лет, она была одна в „длинной хижине“, другие жители которой вышли на уборку маиса. Вдруг в хижину вошел миссионер, которого девушка никогда не видела. Это был отец Жак Ламбервилль, недавно прибывший в Новый Свет и не успевший ознакомиться с обычаями индейцев. Так, например, приехав в Гандавегэ, он не знал, что во время уборки урожая все хижины пустуют и не принято их посещать до окончания полевых работ. Его появление в пустой хижине было ошибкой с точки зрения индейского „этикета“. И вот, как раз это нарушение местных правил послужило проповеди Христа. В глубине хижины отец Ламбервилль увидел юную девушку, оставшуюся дома из-за слабости здоровья и плохого зрения. Это была Текаквитэ, в дальнейшем прозванная: „Белоснежная Лилия Могавков“.

Девушка не испугалась незнакомца и приняла его и с уважением и с радостью. Она ясно осознала, что этому „незванному гостю“ она может раскрыть свою душу. Разговор завязался не без затруднения. Отец Ламбервилль плохо выражался на ирокезском наречии. Еще недавно в письме к друзьям он писал о том, что в виду своего недостаточного знания языка он не может „удовлетворительно“ выполнять своей миссии. Но именно ему было дано великое счастье принять в лоно Христианской Церкви совершенно исключительную по своей святости индейскую душу. В эту же первую встречу Текаквитэ просила отца Ламбервилля крестить ее. Он стал ее готовить, и через шесть месяцев (весной 1676-го года) Лилия Могавков крестилась и получила имя Екатерины, по-индейски — Катери.

С этого дня начинается для Текаквитэ-Катери путь святости, исполненный великих радостей, но в то же время и хождение по мукам. В своей собственной среде она становилась чуждой, но через таинство крещения она вошла в

семью братьев и сестер во Христе. Приемный отец ее, Великий Волк, вначале смотрел сквозь пальцы на обращение молодой девушки. Ведь немало жителей Гандавегэ также крестились. Великий Волк не любил раздоров и пытался примирить подвластных ему язычников и христиан. Но он настаивал на том, чтобы его приемная дочь вышла замуж и постоянно напоминал ей об этой ее, как бы непреложной, обязанности. В виду ее упорного отказа, он прибег к хитрости. Он прислал к ней молодого „храбреца“, который стал угрожать ей своим томагавком, повторяя: „Окажись от Христа, или ты погибнешь!“ Но Катери не сдавалась, и вскоре искуситель прекратил угрозы и перестал настаивать.

Между тем, другие жители Гандавегэ, приверженные к язычеству, стали преследовать молодую христианку. Они старались обличить ее во всевозможных отступлениях от местных бытовых правил и предписаний. Так, например, Текаквитэ-Катери отказывалась работать по воскресным дням и праздникам христианского календаря. За это ее стали упрекать в лени, и даже заявляли, что слово „христианка“ равносильно — бездельнице. В наказание за „тунеядство“ ее лишали пищи в те дни, когда она не хотела работать; таким образом, каждый церковный праздник становился для нее постным днем.

Уезжая из Гандавегэ, отец Ламбервилль посоветовал Катери как можно скорее бежать и добраться до ближайшей миссии в Кагнавегэ. Там черноризцы имели свою часовню, где совершалась ежедневная обедня и где новокрещенные индейцы могли в мире следовать учению Христа и Его Церкви.

Катери выжидала случая бежать, и после многих месяцев испытаний — эта возможность наконец представилась. В июле 1677-го года трое индейцев прибыли в Гандавегэ и Катери узнала, что они крещенные и принадлежат к миссии в Кагнавегэ. Один из этих посетителей был известен среди индейцев под прозвищем „Горячий Порох“; но на самом деле, „храбрец“ этот отличался христианским великодушием и

самоотверженностью. Узнав о тяжелом положении, в котором находилась девушка, он уступил ей место на пироге, на которой он должен был плыть дальше по миссионерскому маршруту. Благодаря „Горячему Пороху“, Текаквитэ-Катери бежала из хижины „Великого Волка“. Этот эпизод, как и многие другие в эпопее северо-американских подвижников, напоминает рассказы Фенимора Купера — „Следопыт“ или „Кожаный Чулок“. Дальнейшее путешествие Лилии Могавков могло бы успешно появиться на экране кинематографа или телевизора.

Узнав о бегстве Текаквитэ, Великий Волк пришел в ярость. Он бросился в погоню и, следуя по охотничьим тропам, вскоре догнал беглецов. Но беглецы были также искусными следопытами. Они приложили ухо к земле и услышали топот преследователей. Один из сопровождавших Катери индейцев выстрелил в воздух, дабы отвлечь внимание Великого Волка. Все другие беглецы укрылись в густой лесной чаще, а Текаквитэ спрятали в дупле дерева. Погоня пронеслась мимо и путешественники направились в миссию Кагнавегэ.

Здесь их встретили настоятели миссии и провели их в церковь. На обедне присутствовали многие крещенные индейцы, и в этом храме был установлен порядок **ежедневного причастия** для всех желающих. Этот порядок в то время не существовал во всех миссиях, его даже в европейских странах немногие соблюдали, и он был введен окончательно лишь в нашем XX веке св. Папой Пием X.

Как счастлива была Лилия Могавков в этой христианской обстановке! Ничто ей больше не угрожало со стороны язычников, и она могла вести подлинную евхаристическую жизнь. В миссии Катери была принята как любимая дочь. Она встретила в Кагнавегэ Анастасию, ту самую индейскую женщину, которая ее нянчила в младенчестве и вместе с ее матерью учила ее лепетать „молитву“. Анастасья стала как бы приемной матерью Катери. Юная христианка нуждалась в материнской любви. После бегства и сопряженных с ним

испытаний, она стала еще слабее и зрение ее становилось всё хуже. Духовно, однако, силы Катери ежедневно возрастали.

Три года прожила Лилия Могавков в миссии. Она провела эти годы в постоянной молитве, в посте, покаянии и умерщвлении плоти. С Анастасией, в хижине которой она поселилась, и вместе с другой индейской христианкой, Марией-Терезией, Катери создала маленькую общину и придерживалась по мере возможности монастырского устава. Несколько раз она просила своих духовных руководителей постричь ее и ее соратниц в монахини и превратить их хижину в обитель. Но отцы, пребывавшие в то время в Кагнавегэ, не дали своего согласия, считая основание обители преждевременным. Но они разрешили Катери дать обет девственности по церковному уставу. Это было необходимо в виду того, что даже здесь, в христианском поселке, соседи всё еще настойчиво уговаривали молодую девушку выйти замуж. Они никак не могли понять, почему она всё еще не нашла себе жениха. Это противоречило всему индейскому семейному укладу и вызывало подозрение. Теперь Катери была связана добровольно данным обетом Церкви и могла жить, как ей казалось нужным—по совести.

Постоянно придерживаясь молитвенной жизни и отказывая себе во всем, Катери продолжала трудиться и добывать своё скромное пропитание. Она жила, как и все другие женщины, в поселке: работала в поле, шила и вышивала индейскую одежду и украшения, и даже иногда сопровождала жителей Кагнавегэ на охоту; среди индейцев было принято, чтобы женщины участвовали в охотничьих походах. Но и здесь ей случалось слышать насмешки мужчин или встречаться с ревностью других женщин. Ни те, ни другие не могли понять, как может девушка оставаться незамужней. Должна была быть для этого причина—не говорящая в ее пользу!

Не все враждебно толковали иноческую жизнь Катери. Многие ее соплеменники поняли, что эта девушка, непохожая на других, ближе к Богу, чем все они, и одарена исключи-

тельными духовными качествами. К ней стали приходиться за советом, утешением, за духовной поддержкой. Руководители Катери, отец Шоленек и отец Шошетьер*, не могли надвинуться глубокой вере и неугасимому пламени, обитавшим в душе молодой индианки. Она часто проводила целые ночи в церкви, или простаивала долгие часы молитвы на дворе в самый жестокий мороз, в глубоком снегу. Катери носила вериги и подвергала себя другим истязаниям, казалось, непосильным ее слабому телу. Но аскетический путь не приводил ее в уныние, не внушал ей суровость по отношению к другим. Наоборот, как отмечает отец Шоленек, Катери отличалась „изумительной веселостью“. Даже, когда ее здоровье окончательно пошатнулось, она сохранила ясность духа, радость во Христе. На третий год своего пребывания в Кагнавегэ, Текаквитэ-Катери была настолько слабой, что не была в состоянии выходить из хижины. Она лежала на скромных индейских нарах, покрытых звериными шкурами, и носила простую одежду бедной индейской девушки-работницы. Она так исхудала, что походила на „живые мощи“. Но как Лукерья в знаменитом рассказе Тургенева, умирающая была исполнена смирением, благодатью и тихой радостью. Она знала, что вскоре будет освобождена навеки от уз мира сего.

Среди индейцев существует предание, что умирающий постигает высшую премудрость и что у его одра человек может найти добрый совет, указание, быть может — спасение. И вот к Лилии Могавков стало собираться всё больше и больше посетителей. Многих она утешила, многих спасла. Предки индейцев, сейчас еще проживающих в Кагнавегэ, крестились благодаря этой медленно гаснувшей в бедной хижине юной отшельнице.

17-го апреля 1680-го года, причастившись Святых Таинств, Текаквитэ-Катери скончалась на своем индейском ложе. Отец Шошетьер, присутствовавший при ее смерти, и соседи,

---

* По записям этих двух духовников составлены все биографии Катери; это свидетельство — первоисточник для исследования ее жизни.

собравшиеся в хижине, были поражены красотой и как бы сиянием ее лица. Оно отражало не скорбь, не страдания краткой, но столь трудной жизни, а радость вечную. Ей было 24 года от роду.

Описываемые нами события произошли около трех столетий тому назад, в индейском поселке, который отмечен лишь небольшой точкой на огромной карте Нового Света. Но именно здесь, в хижине смиренной отшельницы, мы находим эпилог нашего сказания о северо-американских подвижниках — пионерах духа. Катери-Текаквитэ была первой дочерью этого Нового Света, принявшей во всей полноте учение Христа. Память о ней сохранилась во всех местах, где подвизалась та, которая заслужила название:

Белоснежная Лилия Могавков.

Но это поэтическое прозвище не исчерпывает высшей награды, которая была уготована Катери на небе. Народное предание о Лилии Могавков, а также записи ее духовных руководителей, послужили обильным материалом для представителей Церкви. Они возбудили вопрос о ее канонизации. Этот вопрос сейчас рассматривается Римом, и первый шаг по пути к этой канонизации уже сделан:

Официальным постановлением Церкви Текаквитэ признана *venerabile* — приснопамятной.
